

промывать провизию; для обмывки посуды не станет искать чистой воды, если под бокомъ стоитъ кадка съ помоями; однажды мнѣ привелось быть въ своей кухнѣ случайнымъ свидѣтелемъ такого цинизма, вслѣдствіе чего я заставилъ слугу при моемъ обѣдѣ подавать тазъ съ водой, въ которомъ при мнѣ онъ обязанъ былъ мыть посуду. Другой порокъ, воровство, переносить нѣсколько легче. Китаецъ-поваръ, равно какъ и каждый слуга, непременно воруетъ у своего господина. Воруетъ не вещи, а извѣстный процентъ съ каждой сдѣланной имъ покупки. Это воровство извѣстно у китайцевъ подъ техническимъ словомъ «чжуань» (утаить). Въ китайскихъ семействахъ такая утайка обыкновенно простирается до 10⁰/. Во время оно столько же утаивалось и въ иностранныхъ семействахъ; но нынѣ, по мѣрѣ болѣе короткаго знакомства съ привычками иностранцевъ, и вида, особенно между англичанами въ портахъ, всю ихъ неразсчетливость и роскошь въ образѣ жизни, китайцы стали увеличивать проценты своей «чжуань» до 15⁰/, до 30⁰/, а иногда и болѣе. Уничтожить такой грабегъ крайне трудно, даже едва ли и возможно. Переменивъ повара или другую прислугу, необходимо нанять другихъ, которые въ свою очередь не уступятъ первымъ ни въ чемъ. Таковъ національный обычай, простирающийся не на одну прислугу, а на каждую профессію; казенные сундуки терпятъ отъ «чжуань» всего наиболѣе. Такое «чжуань» китайцы оправдываютъ тѣмъ, что каждый трудъ долженъ быть оплачиваемъ. При такомъ сознании своего права, названное воровство организовано въ правильную систему, въ которой главнѣйшимъ основаніемъ служить неизмѣнное постановленіе, состоящее въ томъ, что все утаенное артелью,—прислуги ли при домѣ или вообще лицъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ общаго имъ хозяина или начальника,—должно каждый мѣсяцъ дѣлить между собою честно, но не поровну, а соответственно положенію cadaго, самому старшему всего болѣе и самому младшему всего менѣе. Такъ какъ этотъ обычай извѣстенъ каждому китайцу, и онъ не искоренимъ, то между мѣстными богатыми барами существуетъ обыкновеніе, держа много прислуги, никому не давать жалованья, основательно заключая, что отъ покупокъ и отъ множества другихъ способовъ «чжуанить», прислуга голодной не будетъ. Оттого-то можно сказать утвердительно, безъ всякаго исключенія, что нѣтъ въ Китаѣ повара, или за него закупающаго эконома, который не обиралъ бы своего господина. Ему было бы совѣстно за самого себя, если бы онъ не «чжуанилъ»; да, дѣйствительно, и нельзя ему